

Александр Ермак
Большие П.

«Автор»

2011

Ермак А.

Большие П. / А. Ермак — «Автор», 2011

ISBN 978-5-457-13221-4

Все замечательно в деревеньке Большие П.: и на зуб есть еще пока что положить, и народ, несмотря ни на что, продолжает плодиться, и наука успешно разваливается, и модернизацию переложили, и образованность хуже некуда, и врачи режут по живому, и бизнес даже есть, и армию удалось деградировать, и полицейские формирования слились в экстазе с бандитскими, и культур мультурит по фене, и хватательная с давательной властью не прозябают. Вот только нет покоя на душе народонаселения и обращается оно к высшим инстанциям с просьбой переименовать деревеньку в Великие П.

ISBN 978-5-457-13221-4

© Ермак А., 2011
© Автор, 2011

Содержание

О хлебе насущном	7
О народонаселении	9
Об образованности	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Александр Ермак Большие П.

Здравствуй, наш очень дорогой!

Прошу от всей деревни, не пожалей времени своего на рассмотрение и прости меня, если я чего не так объясню. Люди мы в наших краях за телегой времени не всегда поспевающие и иногда отсталые по всем статьям гражданского, а то и, чего душой кривить, уголовного кодекса. Однако ж живехоньки и спешим заверить, что владения твои в подразумеваемых границах по-прежнему простираются. Так и не прибрал деревеньку за годы оные никакой супостат заморский. Ни силой, потому как никакой силы на масштапы наши не напасешься. Ни мощной, потому, как нет никакого смысла ею над головами нашими сотрясать. Конечно, будь мы Малые или там Средние Пиздюки, то нас, конечно, давно бы кто распиздючил, но мы, слава те господи, Большие, и потому внешнему распиздючиванию не подлежим.

Честно сказать, так и в остальном к нашим окрестностям сплошное благоволение. Ни тебе трясения земного, что могло бы поглотить в чреву подножную, ни огня-пепла с горы жаркой, ни волны апокалиптической с моря-океана. Так что в целостности и сохранности прозябаем. Ни дать ни взять, хранит бог Большие пиздюки. На хрена хранит, хрен разберешь, ну, да и на хрен разбираться. Ныне головушки наши заняты боле по существу. Куда ни кинь, а от Больших Пиздюков уже пованивает анахронизмом, и, как нож в горло, надобно нам иметь новое название в соответствии с сутью, духом и на вырост.

Нет, от собственно Пиздюков мы не отказываемся, хотя таковыми и не всегда являлись. Это точно: и по записям, и по былинам от старика к старику передаваемым выходит, что известны мы были и под другими названиями. Звалось село наше в иные годы и Богатово, и Щедрово, и Добронравово, а еще Надеждино, и даже Мессиево. Удивительно, но, оказывается, не водилось у нас пиздюков изначально. Исконно жили тут Мудровы, Умельченковы да Скороруковы. Приживались по торговой линии Мудоняны, Фалоссини и Попеску с прочими соплеменниками. А вот пиздюков не водилось. И даже слова такого никому на ум не приходило. Но потом как-то в високосный, должно быть, год родился один Макар, ни в отца, ни в мать, сам по себе. Вот так вот и заявил он не только деревне, но и всему белу свету:

– Я, бля, шибко особенный. И моя земля, бля. И поля, бля. А потому не могу я соблюдать повсеместно распространенные шаблоны и стандарты. У меня свой славный путь, особая иноходь. А куда именно, как и зачем, никому понять не дано, потому как все остальное миронаселение мне не ровня, оно мне ровно чуть выше колена...

Огляделась наша деревенщина на себя да по сторонам и согласилась: и все не так, и ровно чуть выше колена. Так что таким вот Макаром и зародилась у нас новая пиздюковская порода, которая поперла в хвост и в гриву всем остальным на зависть. Однако ж самое наименование появилось позднее и имеет чужестранное происхождение. Свидетельства остались, мол, какой-то инородный захватчик из самых дальних деревень заблудил в наших местах да и засмотрелся на леса-поля-чернозем-рекисрыбой-озера-пушнину-уголь-нефть-золото-лопаты-вилы-топоры-скотство-пьянство-тулуп-пимы-мех-пух-треух. И так он, сердешный, на все это раззявился, так восхитился всей своею иноземною душою, что пустил слезу и чистосердечно высказался:

– Какие же вы все-таки пиздюки!

Наши же селяне на это довольно переглянулись. Вот, наконец, даже и заграница признала всю особливость, все величие и благородство поселения нашего, и, стало быть, никуда не деться, быть нам Пиздюками. На что и получено было соответствующее высочайшее разрешение.

Так по существу название наше вроде бы и образовалось, а со временем, конечно, согласно разным внешним и внутренним обстоятельствами, получило дальнейшие метаморфозы. Бывали мы и Имперскими Пиздюками, и Февральскими, и Октябрьскими, и Красными, и Белыми, и Новыми, и Старыми, и Дальними, и Ближними, и еще Индустриальными, Кукурузными, Резервуарными, Ядреными, Застойными, Отстойными, Перестроенными, Культовыми и даже Нанопиздюками. Последние же исключительно плодотворные годы мы жили, как Большие Пиздюки. Ой, как славно текли те денечки! Таких мы реформ понатворили во всех сферах человеческой и нечеловеческой жизнедеятельности. Таких результатов нагромоздили... Глядишь и слезу пускаешь, и сердцем заходишься, и хочешь не хочешь, а думать начинаешь, что Большие Пиздюки нам, как детская шапочка на свиное рыло. Нешуточно мы из этого наименования вымахали. Жмет оно и в коленках, и особенно в области височной кости напирает. Вот потому и вызрело у нас сначала озимое, а потом и яровое предложение – утвердить деревне новое имя. Пусть зовется она на благо и как есть – Великие Пиздюки. В самую, так сказать, штопаную дырочку.

Нет, наш очень дорогой, ты не спеши, ты так сразу не отвергай, не отмахивайся, ишь, мол, куда занесло вас, пиздюков таких. Подожди, не горячись, я далее тебе так искренне и честно картину всю обрисую, что согласие на тебя тут же безысходно и окончательно снизойдет, и станем мы, куда деваться, наконец, уж по всем статьям тем, к чему от природы самой предрасположены. Честное слово, обо всем в подробностях и по порядку поведаю, как есть оно, так все тебе по кучкам и выложу.

О хлебе насущном

Уж с чем с чем, а с предпосылками к сытому существованию у нас полный порядок. Куда ни кинь, а кругом чернозем. За порогом по колено влипнешь – чернозем. Червя для рыбалки заготовливаешь – чернозем. Могилку или для отхожего места рыть возьмешься – опять чернозем. А жирный какой, копать его не перекопать! Хошь гречиху расти, хошь пшеницу возвращивай, а то и кукурузину засаживай или сою повсеместно разсеменяй.

Да уж, такая у нас земля плодородная, что хочешь вырастет, если посадишь. Ну, а пока не посадили, так лебеда да крапива от горизонта до горизонта взор ублажает да гордость пиздюковскую питает. Глядишь, глядишь на чернозemiще нераспаханное, пустишь слезу да и прозреваешь вдруг. Доходит до тебя. Докарабкивается. Достукивается. Чего там греча с кукурузиной! Да здесь же папайю с фейхуею запросто выращивать можно. К агрономше не ходи, мужиков наших поспрошай. Они-то у нас эту тему не первый день оппонируют. Каждый день с утра – дождь ли, снег ли – собираются за околицей и пальцы веером в землю тычут, нюхают да облизываются. Одни предъявляют:

– Гляди, вырастет манга!

Другие аргументами своими немалыми машут:

– Не вырастет! Она ж, гада, песок любит!

Но те, кто «за», не сдаются:

– Так, если ж глины впополам с песком в наш чернозем внести, то тогда никуда не денется, примется, вырастет, вымахает!

И глядишь, уже колеблются те, кто в наш чернозем не верит:

– Ну, если на это поле глины с песком по железной дороге завести составов двести, то тогда манга, пожалуй, и взойдет. Но только если двести, никак не меньше. А иначе земля только для бананов и сгодится.

Ну, с этим-то, понятно, все соглашаются:

– Нет, бананы нам не нужны. От них пучит. И огненная вода на них опять же получается не та, как на манге. Эх, помнишь, как кум твоего внучатого племянника хрен знает откуда привозил и хвастал, что манга там растет повсеместно и на всеобщее удовольствие...

– Да, было дело, – подтверждают и те, и эти. – Довелось откушать амброзии. Славное воспоминание. Не зря жизнь прожили, мужики...

Так что чернозема переогнойного у нас завались. Как навоза в оные годы. Да, бывалоча добра этого такие россыпи, залежи и на улице тебе, и за околицей, а то и прямо на пороге. Ой, сколько ж его скотина разнообразная производила! Ой, старательны были по этой части и коровы, и овцы, и козы местечковые! И все им мало было. Мычали, блеяли, так и рвались, паршивцы рогатые, на душистые сенокосы да на заливные луга наши знатные. Всю красоту загадить хотели. Но, слава богу, какофония эта скотская закончилась. Прекратился мычуж да блееж. Как есть, вся животино пиздюковская копыта отбросила. Кто говорит, что мор иноземный, завистниками занесенный, по селу прошел. Кто предположение высказал, что не может корова-коза-овца недоенная более недели стоять, потому идохнет в непонятии. Ну, а кто-то заметил, что вовсе и в недодое дело. Мол, все даже и не по зеленой погоде происходило. Дескать, скотина еще зимой сдохла, потому как заскучала сильно без пережевывания сена-соломы, которых пиздюки в сезон заготовливать не стали по причине глубоких раздумий на актуальные сельскохозяйственные темы.

Ну, теперя уж точной причины скотского поведения никто и не помнит. В памяти людской осталось только, что холодец в тот год вся деревня повсеместно варила да от души наяривала. И еще все знают, что опосля, прослышав про скучный уход скотины, приезжали к нам ветеринары и гуманитары из соседних селений. Изучали они овины, коровники под

микроскопами и заодно пиздюков просвечивали, обнюхивали, до крови кололи, ждали, что из-под кожи у них, может, какая гадина заразная на свет божий объявится, по которой и диагнозу облегчение выйдет. Однако ничего из пиздюков гуманитары не выделили и причину такого скотства на молекулярном уровне так и не определили. Решили только, что, наверное, если и есть та гада в пиздюках, то слишком глубоко кроется, но так не резать же их из-за гипотезы по живому до полного расчленения и испускания.

Так что помаячили-покудахтали в тот год по селу гуманитары, не разобрались в скотской причине, да так и уехали ни с чем, только помощь ихнюю напоследок и упростили принять. Вот ведь, неугомонные, который год уже шлют, шлют, шлют. Консервы, муку, порошок яичный, как будто мы тут уж совсем безыיצовые. И еще одеждой ношенной последней, видать, из своих шкафов делятся, мол, попросите, и трусы с себя снимем – все вам готовы отдать. Добрые люди! Но только нам чужих ношенных трусов с дырками не нужно. Однако ж напрямки сказать об этом не можем, потому как люди мы вежливые и вынуждены никому не отказывать, принимать все, что шлют, хотя, если понадобится, и сами прожить во всеулышанье можем. Даже и без порток. Хотя и мерзнем мы подчас все время, но не копытимся же. Как кормились с огорода спокон века, так и кормимся – продолжаем летом грызть да на зиму банки закатывать. Так что живем, вот, да клубни жуем. Каждый год у нас урожайный. И этот не исключение. Соседка моя говорит, что руку уже запускала и что вполне они уже как у мужика еенного. Значит, не помрем с клубнями-то. И то верно. До сих пор ведь никто с голоду не тронулся, поля черноземные уродовать-распахивать не рванул. Чего ж понапрасну красоту нашу, гордость пиздюковскую крапивушку-лебедушку изводить. Ведь все равно не сегодня, так завтра, а не завтра, так точно послезавтра, но какая-нибудь напасть обязательно приключится, налетит, никуда не денется или саранча, или тля или еще какая бя.

Ну, а если уж в огородах бабы переведутся или гордость наша окончательно спятит и откажет помощь от гуманитаров принимать, так мы опять же не пропадем, по лесам да по подлескам по грибы, по ягоды побредем, на дичь-рыбу нацелимся. Полно этого добра у нас местами, где не повывели ранее. А в реке у холма, после того как закопали никто не помнит что именно, так там вообще рыбы теперь косяк на косяке и косяком погоняет. Громадное количество огромной рыбы. Без плавников, без чешуи – потрошить да чистить одно удовольствие. А поешь такую и как будто светишься от тихого благодатного счастья.

Только далеко к тому холму с рыбалкой ходить. Потому народ у нас больше в местном пруду карасиков электроудочкой сшибает. Какие остались рыбехи, тех и сшибает. Поначалу всех вроде карасей и даже гальянов пузобрюхих извели. Но потом карась как-то привык что ли, натренировался электричество не воспринимать, а может поддамшись дарвинизму в эволюции своей изоляционную чешую выработал. Так или иначе, а пошел он какой-то токоустойчивый, все равно что резиновые калоши носит. Дашь ему 24 вольта, он позевывает, пузыри пускает. Дашь 127, он только от удовольствия подрагивает. Всыпешь 220 или уж 380 на полную катушку, а он, гад, смеется в пруду. Нет, не смеется – хохочет, ржет, игогокает во всю глотку так, что мурашки по телу всей деревни выступают.

Однако ж не сомневайся: мы надумаем, как защиту эту изоляционистскую пробить и новую породу также извести под корень. Мы спать не будем, о манге размышлять перестанем, а карася первезного изведем!

И не переживай за нас! Как видишь, есть чем занять нам желудки свои да животы безразмерные. С хлебом насущным у нас полный порядок. Жуем, чем живем...

О народонаселении

Конечно, раз речь пошла о присвоении селу нашему такого масштабного наименования, то не может не встать колом вопрос о народонаселении. Ты ж наверняка спросишь: а соответствует ли? А достаточное ли количество пиздюков народилось. А действительно ли они той самой прославленной породы?

Да уж, серьезен сей вопрос, особливо, если учесть, что кое-кто из местного женского населения взбрыкивает не по делу и упрекает пиздюков, что ленны они по части прибавления и что больше о манговом напитке думают да о проблемах осеменения далекого иноземного населения мечтают, а вот до своих, мол, родных-близких руки и прочая не доходят.

Ну так вот что я на это отвечаю: в связи с безоговорочным полноправием и всеобщим попустительством пиздючки наши уж больно фыркать стали. Подол задирать без шелкопуховых перин, без телег с кондиционерами да без водочки-казенки не желают. И при том морщатся, что хоромы тесные и куда уж в таких зажатых бытовых условиях также и новеньких пиздючат содержать. Сегодня они, мол, с горшок, а завтра в уборной не поместятся. А стены от напора внутреннего содержания хоть и расширяются, но дрожат вместе с обитателями. Не ровен, мол, час, да и не выдержит конструкция, вся пиздюковская порода возьмет наружу и выплеснется.

Но вот уж зря так высказывают бабы неразумные в делах строительных. Ведь ежели наши избы подпереть подпоркой, что у соседа всегда спереть можно, то постоят они еще, не завалятся. Давно они построены на совесть и долго еще им стоять на ней держаться, потому как других домов у нас нет и не будет, не зря же мы принимаем и принимать впредь продолжим решения соответственные о повсеместном обеспечении желаемым жильем всех желающих к желаемому году по желаемой цене. Так что по сути нет проблем с проживанием и прибавлением народонаселения – любая пиздючка может ознакомиться с важными документами в персональном клозете, по которым решения после постановления для более детальной проработки растаскиваются в желаемом для удовлетворения соответственных нужд количестве.

Ну, а если отписала какая тебе ля вперед меня, так не ее слушай просто так, к голословным мандатам почтения нету. Факты, факты и только факты, как завещал нам великий и всемогущий Л. А факты упрямо бьют в лицо. Ведь, чтобы полностью и бесповоротно избежать спекулятивных инсинуаций и не потерять в глазах соседских поселений наш пиздюковский имидж, не даром, а за большие деньги проводим мы спорадическую и всеобъемлемую перепись народонаселения. И туда, и сюда, и вдоль, и поперек, ходят, а чаще и вовсе стоят, а то и просто-таки лежат-фантазируют во всем подкованные и всюду подогретые переписчики. Заносят они в кондуиты в точности, что им скажут, что покажут, ну и что самим привидится. Так что в итоге получается объективнейшая с точностью до экземпляра картина, сколько и каких имеется пиздюков в селении нашем без конца и без края. Так же мы убеждаемся: не малы и не высоки пиздючки наши – длиннаж, что надо, средний рост на вырост. Мужики на грезях о манге вспоенные – поджары и умом морщинны. Бабы от раздумий напрасных – опухлы. Дети – все равно имеются. Так что в нужном количестве и подходящем качестве на квадратный метр за годом год пиздюк проходит как хозяин непонятной родины своей.

В связи с вышеуказанным, то есть опираясь на истинно народные факты, ответственно и по всем статьям заявляю, что, согласно последней переписи, пиздюков первостатейных у нас достаточно. Ну, а если ты нашим фактическим переписям не веришь, то, собственной персоной покосись по сторонам. Зырни влево, глянь вправо. Вот один пошел, вон второй вернулся, третий лежитзачемвставать... Видишь?! Убедился?! Достаточно у нас пиздюков! Достаточно! Более, чем достаточно!

Если ж ты по переписи взглядом в имена наши пиздюковские вперишься, то так ведь и здесь мы стремимся к идеальному. Местный наш поп Никодим пособил с пиздюковской сутью разобраться, привести в надлежащее соответствие форму и содержание. Хотя сам он тоже прозрел не сразу. Все по старинке дела вел от утрени к вечерне через обедню пропускал без закуски и жаловался, что несмотря на божье благоволение ни черта не получается. Александры не защищают, Викторы не побеждают, а Феклы бога хоть и славят, но не с той стороны. Однако ж как-то по случаю допер Никодим, что не в ту сторону одеяло религиозное натягивает. Это не пиздюков надобно менять, а имена под них подстраивать. Вымусолив на всенощной такую идею, Никодим в соседний район на повышение квалификации смотался, где полностью и обернулся в отца Онания. Говорит, что это и есть его сверху предначертанное настоящее пиздюковское имя, так как все его старания получить полное божественное удовлетворение результата не дают. Как ни старайся, а сплошь и рядом выходит имитация. По несколько раз на дню имитирует, мучается, а семья божье не туда расплескивается, в благодатную чреву не попадает.

Вот после собственноручно проведенной реформации стало быть и объявил попец, что отныне можно в полной гармонии свести устремления свои и соответственное имя, приняв современное мыслеизмышление. А прослышав про то, так и повалил к нему народ с утра пораньше и на ночь глядя. Все в чем мать родила в лохань падают, а отец Онаний кунает их за разные места, кунает, да и вопрошает о своем сверхъестественном:

– Веруешь ли ты в Аскезу, чадо мое, веришь ли?

– Не верю, – глядит в отражение ужасенный пиздюк.

И кунает его тогда отец Онаний дальше, переспрашивает ангельским фальцетом:

– Веруешь ли ты в Аскезу, чадо мое, веришь ли?

– Не верю... – уж закатывает глаза нахлебавшийся.

И суровеет тогда голос попца. И снова кунает отец Онаний, держась за окружности и выпертости. Кунает, кунает, пока своего не добьется:

– Веришь ли ты в Аскезу, чадо мое, веруешь ли?

– Верую, верую, верую... – булькатит последними пузырями обрясший по всему телу.

И только уж тогда, бесповоротно заполучив желанную пиздюковскую душеньку, достает отец Онаний из срамных карманов оттопыренных да припечатывает в соответствии с наклонностями чадовыми:

– Зваться отныне ты будешь, прости мя господи, Кунинигус Степанович...

– Благодарствую, отец родной...

– А я?

– А ты – Минет Федоровна...

– А я?.. А я?...

– Промискуитет Петрович... Эпидемия Карловна... Геморрой Сергеевич... Тромбофлебит Василич... Путана Германовна... Педофил Никанорыч... Эндоскопия Юрьевна... Энтузиаст Борисович... Главстройпроект Спецтехмонтажович...

И такая благодать расплывается по лицам пришедших к гармоничному сосуществованию души и тела! Бредут они по селу, и такой малиновый звон их да щебетание птичек сопровождают!

Прав, ой как прав по своей реформации отец Онаний: в пиздюках все должно быть прекрасно. И, конечно, чтоб иметь название деревне соответствующее, каждый должен начать с имени собственного, пусть хоть и нарицательного...

Об образованности

Если ж ты интересуешься переписной графой образовательной, так и там все в порядке. Именно ему, благодаря нашему среднему и всеобщему, мы все понимаем, во всем разбираемся и кого хочешь тому сами научим. Чего-чего у нас не отнять, так это знаний и обратной тяги к ним. Уж как мы этому обстоятельству радовались и сами себе завидовали, что решили не останавливаться на достигнутом и улучшить показатели по всем гуманитарным и непротоестественным дисциплинам. Да, вспоможителей долго искать не пришлось, нашлись пиздюки, которые взвалили на себя сей непосильный труд. Спирохета Львовна и Хламидий Петрович – славные продолжатели местной учительской династии и отменные эмпирикаторы. Долго они обзревали, но обнаружили-таки и завезли с прилегающих территорий настоящую образовательную заразу. Прежде всего – ну чего в зад-то глядеть – решили футуролога выписать. Он, правда, культурологом оказался, но на качество его образования это обстоятельство не повлияло никоим образом – сразу же пиздюкам на многое глаза открыл. Как только первый раз в огород вышел, так сразу с себя все и скинул. Нам, тогда еще недообразованным, и невдомек было, но он тут же учительльно-воспитательно объяснился:

– Я – мудист.

Посмотрели мы, посмотрели, и, правда: мудист. Но только что ж в том особенного, у нас в деревне все мужики мудисты.

И тут он потряс:

– Вот с этого и начнем сеять разумное, доброе вечное. Вот увидите! Глазом моргнуть не успеете, а по всем Большим пиздюкам прогресс расцветет, и даже бабы ваши, зажатые лифчиками и мракобесием, и те станут мудисты.

Конечно мы не против прогресса, но что б бабы мудисты?! В общем не прижился у нас этот футурист прогрессивный. И решили мы тогда все-таки танцевать от печки. Как говорится, «*Historia est magistra vitae*». Так что нашли Спирохета Львовна и Хламидий Петрович настоящего историка. Начал он со смешной истории. Рассказывал, как же раньше у нас в деревне и на прилегающем черноземе все замечательно было. Не жизнь, а малина со сливками: атмосфера всеобщего добра и взаимопонимания..., молодым недорого – старикам повсеместный зачет..., рог изобилия спроектирован и воплощен..., фонтан дружбы народов бьет на полную...

Слушали мы детей наших, дома историю эту пересказывающих, и вздыхали, что не удалось нам во времена те, теперь уже былинные, пожить, долгие вите такой понаслаждаться.

Но, увы, не долго длилась экзальтация. Медоточивый наш прямо на уроке собственной слюной и подавился. Так сказать, отдал Геродоту душу. Вот и пришлось Спирохете Львовне и Хламидию Петровичу снова командировочные за свой счет выписывать и другого историка искать. Нашли! Этот образователь поведаль нам совершенно жуткую историю о правителях-вампирах и народных кандалистах в прошедшем времени. И так он живописно все преподносил, что дети стали на уроках хлебными карточками спекулировать, на фамильные колечки противогазы выменивать, а потом и вовсе по овощным бункерам прятаться, окончания четверти, а то и полугодия пережидать. И чем бы та напряженность закончилась не понятно, но в страстную полночь, готовясь к уроку новому, мучитель истории со страшными воплями и Плутархом бросился в поглотившие их заокольные хляби. А посему временно без историка пребываем мы в согласии с современностью своей. Живем теперь с исторической точки зрения хоть и беспредметно, но с умственным новообразованием и надеждой на третий приход, который Спирохета Львовна и Хламидий Петрович клятвенно обеспечат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.